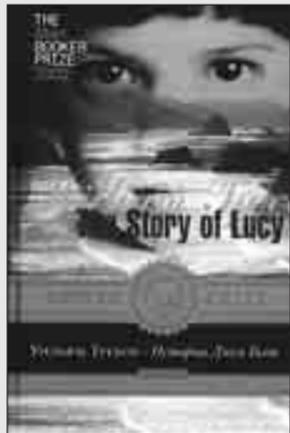

СМ КНИЖНЫЙ РЯД

ПРИТЧА О ЛЮБВИ

Книга «История Люси Голт» известного английского писателя Уильяма Тренора поначалу производит впечатление обыкновенного «женского романа», эдакой мыльной оперы в твердой обложке. Но неожиданный поворот сюжета превращает произведение в лирическую притчу о любви и верности.

Героиня, став фактически сиротой при живых родителях, до конца жизни сохраняет веру в добро и провидение. Ее судьба в чем-то сходна с судьбами диккенсовских героев, но при этом имеет большую трагическую окраску, так как связана со многими знаковыми событиями недавно ушедшего XX века.

Единственное, на что может посоветовать читатель, так это на некоторую небрежность редактуры перевода, которая особенно заметна к концу книги. Роман, выпущенный издательством «РОСМЭН» в популярной серии «Премия Букера: избранное», заслуживает более внимательного отношения.

ОНИ ПОДЕЛИЛИ МИР

Книга Герберта Фейса «Черчилль. Рузвельт. Сталин» (издательство «Центрополиграф») — уникальное собрание документальной хроники, отражающей роль лидеров мировых держав в организации антигитлеровской коалиции. «Война, которую они вели, и мир, которого они добились» — таков подзаголовок этой книги.

Странно осознавать, что всего лишь каких-нибудь пятьдесят лет назад мы напрямую диктовали человечеству свои условия мирового устройства.

ТОЛЬКО РОК-Н-РОЛЛ

Книга Владимира Марочкина «Повседневная жизнь российского рок-музыканта», выпущенная издательством «Молодая гвардия», рассказывает о мире отечественного рок-н-ролла. Работа известного журналиста наверняка станет бестселлером, так как наш андеграунд мало известен и почти не изучен культурологами.

В книге, снабженной множеством редких фотографий, рассказывается о развитии музыкального жанра, ставшего для целого поколения образом жизни, о знаменитых ансамблях и солистах, самых успешных программах и концертах.

Приведем список использованной литературы, Марочкин отдал дань времени, в котором работали музыканты и сам автор. С присущим ему юмором на первое место он поместил полное собрание сочинений В.И. Ленина (Политиздат, 1960 г.), а уж потом упомянул другие источники — Бориса Гребенщикова, Андрея Макаревича, Виктора Цоя и других...

Николай МОДЕСТОВ

«ШЕРБУРСКИЕ ЗОНТИКИ» С МАЛОЙ ГРУЗИНКОЙ

25 января — день рождения Владимира Высоцкого, артиста, поэта, бунтаря. Даже среди близких ему людей нередко возникали споры о привязанностях и поступках Володи, порождая обильные слухи при жизни, а после его смерти — еще и скандальные тяжбы.

Расскажу об одной такой истории, вряд ли кому известной. Не для того, чтобы познакомиться с семейными подробностями. Но, может быть, этот случай, невольным свидетелем которого я оказался, поможет кому-то из нас стать выше сиюминутных обид — хотя бы во имя памяти тех, о ком так ревниво печемся.

В 1989 году в газету «Правда» пришло взволнованное письмо от Нины Максимовны Высоцкой на имя главного редактора:

«Пишет вам мать артиста Владимира Высоцкого, ушедшего из жизни в июле 1980 года. Переживая трагедию потери единственного сына, я страдаю еще и из-за обстановки, сложившейся вокруг его памяти... В январе этого года в издательстве «Прогресс» вышла книга вдовы моего сына М. Влади «Владимир, или Прерванный полет». О выходе этой книги шумела вся советская пресса, а когда она появилась кое-где в продаже и, конечно же, на черном рынке, начался настоящий «западный бум»... Автору была предоставлена в нашей стране широкая трибуна — эстрада, театр, радио, телевидение, пресса (публикации прошли более чем в пятнадцать газетах).

Как в книге, так и во всех публичных выступлениях М. Влади дает ложные сведения о некоторых событиях, а также дискредитирует нас — отца и мать... не говоря уже о том, какими эпитетами награждает она своего покойного мужа.

Убедительно прошу поручить журналистам «Правды» встретиться со мной...»

Тут же Нина Максимовна сообщила, насколько важно это для семьи: «мешает нормально жить на своей родине».

Главный редактор газеты, в прошлом боевой военный летчик, был человеком эмоциональным и очень убеждаемым, тем более если дело касалось обид, наносимых «нашим» из-за рубежа. Книгу он, разумеется, прочел и целиком остался на стороне матери. Попросил подготовить письмо к печати, а с Ниной Максимовной непременно встретиться. Вердикт спустили мне, сотруднику редакции.

Что значила бы тогда публикация в «Правде» подобного открытого письма? Это ныне — спор, возражай, сражайся. Дело привычное. А тогда, даже в обстановке гласности, семейный конфликт, вынесенный на страницы главной газеты страны, партийного офиса, мог прозвучать залпом «Авроры» по замечательной

французской актрисе и ее мемуарам, даже если в них было что-то субъективное (а как без этого в исповедальных заметках?). Да и кому под силу разобраться в деталях колкого треугольника: мать, сын, жена? Там у всякого — своя истина... И еще немаловажное: Марина Влади — сподвижница общества дружбы «Франция — СССР». Надо ли рубить сплеча?

Я отправился к главному. Кажется, мои доводы произвели на него впечатление, прежней одержимости уже не чувствовалось. Но до Нины Максимовны дозвониться удалось только спустя месяца три — она была в отъезде. И вот что поразило в том телефонном разговоре: время сняло остроту недавней боли, пожилая женщина даже не сразу поняла, в связи с чем звонок из «Правды».

— Давайте скажем о моих претензиях как бы между прочим, — предлагала Нина Максимовна на этот раз. Среди других вопросов. Тем более что выходит книга Аллы Демидовой «Кого помню и люблю», там тоже есть неточности и издержки. Взять хотя бы злосчастный метеорит, предназначенный для Володиной могилы: якобы по сей день он хранится в каком-то дворе. Чуть...

Попутно выяснилось, мать Высоцкого сама принялась за книгу воспоминаний. Пока, правда, дошла до эпизода, как родился Володя и как ему выбрали имя. Это будет рассказ о жизни всей семьи Высоцких.

— Я там и мужа защищу. Уж слишком тенденциозно подают его в публикациях. А ведь у него двадцать шесть правительственных наград!

Про тяжкие недуги и срывы сына решительно заявила:

— Мало ли какие недостатки, слабости, а то и просто болезни бывают у людей?! Надо проявлять такт и хорошо подумать, прежде чем сообщать об этом миллионам читателей.

Прошел год, но встретиться все не удавалось. Душным московским летом едва ли не каждый день Нина Максимовна уезжала с Белорусского вокзала в Ромашково, спасаясь от раскаленного города. Там, под Москвой, где-то есть полюбившееся ей поваленное дерево. Брала с собой немного еды, читала, отдыхала. Работа над книгой воспоминаний шла туго: то настроения нет, то здоровья.

Теперь уже мне приходилось напоминать об условленном интервью. Странно, но желания возвращаться к мемуарам Марины Влади как-то не чувствовалось. А однажды Нина Максимовна предложила встречу:

— Не хотите ли напечатать короткую раннюю повесть Высоцкого? Единственная вещь, которая еще не увидела свет. Володя был бы рад.

Я ухватился за этот вариант. Но повесть оказалась вовсе не повестью и даже не новеллой, а всего лишь... развернутой запиской на киносценарий — правда, с подробным описанием центральных эпизодов и вполне готовыми диалогами. Это был экспромт в стиле влюбленного Высоцкого с восторженным названием: «Удивительная история очень молодого человека из Ленинграда и девушки из Шербурга». Было нетрудно угадать, кто в этом сценарии он и кто она.

Когда-то артист Валерий Золотухин мельком обронил: Марина Влади предлагала в Госкино либретто сценария «на манер «Шербурских зонтиков». И вот теперь выяснилось, что литературные фрагменты неразлизанного фильма сохранились у матери. Может быть, только у нее. В руках у меня был тот самый машинописный экземпляр.

В одном из московских журналов «Шербурские зонтики» Высоцкого удалось напечатать. Вот вместо гневного письма Нины Максимовны и ее раздраженного интервью появились на свет солнечные страницы любовных признаний ее сына — признаний к той, кого мать собиралась опровергнуть и почти заклеймить.

Странная история, почти любовная, и я бы поморщился, расскажи мне кто-нибудь о таком финале. Уж больно неправдоподобно, но так случилось на самом деле. Жизнь предпочла все-таки незлобивую концовку.

Приехать за гонораром сама Нина Максимовна не захотела — чувствовала себя все неважнее, едва могла добраться до ближайшей парикмахерской. Пришлось пойти на подлог, чужой фамилией распписаться в ведомости и с деньгами поехать на Малую Грузинскую, 28.

Задерживаться в гостях не собирался, но 80-летняя хозяйка не торопилась меня отпустить: «Проходите, проходите... Посмотрите Володино жилье». Открылась гостиница с шикарным окном (кажется, во двор). Комната была светлая, мягкая, ухоженная. Ни в чем не ощущалось никаких отзвуков нервных, надрывных песен Высоцкого. Стены сплошь в картинах, на большинстве — сам Володя. И... ни одного изображения Марины Влади, даже намека на ее былое присутствие не только в этом доме, но и в этой жизни. Такое сразу бросилось в глаза. И наверняка удивило бы всякого, кто хотя бы отчасти знаком с биографией артиста. Но боже упаси было терпеть старые раны. Благо со временем они затягиваются...

Евгений ДВОРНИКОВ

В Государственном историческом музее открылась уникальная выставка «Русский исторический портрет. Эпоха парсуны». Представлено 100 работ из 14 музеев России, некоторые — из Дании.

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ ПАРСУНЫ

Парсуны — это портреты, созданные на Руси в XVII веке. Со времен принятия христианства на Руси существовал запрет на изображение живых людей. Можно было писать только лики святых. Однако в Киеве, в Софийском соборе, есть прекрасный прижизненный групповой портрет Ярослава Мудрого и его семьи, к тому же сделанный отнюдь не по канонам Византии. Дело в том, что собор построили на средства Ярослава, а запечатлеть образ «храмоздателей» церковь позволяла. Ну а поскольку князь не был святым, он и изображен не канонически.

В XVI веке появляются иконы с очень условными изображениями здравствующих членов царской семьи. Светский портрет появляется, когда некоторые придворные иконописцы почувствовали, что не могут представить себе облик «царя небесного», отвлекаясь от хорошо знакомых черт царя земного. И вот изображения, святым становятся как бы замаскированными портретами русских правителей. В восьмидесяти годах XVII века придворный богомаз — замечательный художник Карп Золотарев написал икону «Пророк царь Соломон». Но это — изо-

бражение... царевны Софьи! Задолго до того неизвестный художник написал портрет Ивана Грозного — не отходя от традиций иконописи, но и не скрывая, что написал царя земного. Это одна из жемчужин выставки — тот самый портрет, всем нам знакомый с детских

портрете Ивана Грозного: прижизненный он или посмертный? На этой выставке представлены портреты последних Рюриковичей — парсуна отца Ивана Грозного, великого князя Московского Василия Третьего, и сына Ивана Грозного, царя Федора Иоанновича. Дворцо-

вые живописцы изображали и великих церковных иерархов. На выставке зрители могут увидеть два уникальных изображения патриарха Никона. На одном он вместе с клиром. Эта парсуна — из Нового Иерусалима. И тафтяной портрет патриарха, выполненный из кусочков ткани. Здесь и знаменитое изображение патриарха Иоакима — из музея в Тобольске. Оно впервые выставлено в Москве. Отреставрировано и исследовано художником Екатериной Ивановой, которая работает в Историческом музее и очень много дала нам для понимания раннего русского портрета.

Иконописцы, писавшие по канонам, став портретистами, впервые в истории русской живописи сделали своих знаменитых персонажей узнаваемыми для широкой публики. Непременно надо обратить внимание на «Преображенскую серию». Это портретные изображения членов учрежденного для дискредитации церкви царем Петром «Всеянейшего сумасброднейшего собора всешутейшего князь-папы». На парсунах изображены бояре-скоморохи, то есть родовитые люди в странной для них роли. Например, на портрете Апраксина написан: «Андрей Бесаший»...

Еще до петровских реформ русские художники перенимали у итальянцев и голландцев принцип светской живописи. А технику придумывали сами. И не сказано удивились бы, узнай, что она давно придумана итальянцами. Все дело в том, что задолго до петровских реформ жизнь русского общества уже преобразилась. Что и раскрывает эта изумительная выставка.

Елена БЕЛОСТОЦКАЯ